

RU

История Руси глазами шведского археолога Т. Ю. Арне и его российских последователей

Фомин В. В.

Аннотация. Цель исследования - показать, как под влиянием археологов появились научные фантомы «Скандославия», «Восточно-Европейская Нормандия», «Нормандия», которыми пытаются вытеснить из науки понятия «Русь», «Киевская Русь», «Древнерусское государство» и уже тем продемонстрировать правоту норманской теории. **Научная новизна** состоит в том, что в науке об изначальной зависимости отечественных археологов, жестко навязывающих другим специалистам свой взгляд на русскую историю IX-X вв., от заключений скандинавских коллег, особенно Т. Ю. Арне, родоначальника теории норманской колонизации Руси, никогда не говорилось. **В результате** доказано, что и эта зависимость, и монополия наших археологов на истину в варяжском вопросе, ими же самими навязанная науке, приводят к принципиальным заблуждениям, самым серьезным образом искажающим наше прошлое и затмевающим наше историческое и национальное самосознание.

EN

The Russian History through the Eyes of the Swedish Archaeologist T. J. Arne and His Russian Followers

Fomin V. V.

Abstract. The paper tries to show how archaeologists contributed to forming the scientific phantoms “Skandoslavia”, “East European Normandy” and “Normandy” used to substitute the notions “Rus”, “Kievan Rus”, “Old Russian State” and thereby to justify the Norman theory. Scientific originality of the study lies in the fact that for the first time in domestic historical science, the researcher proposes a thesis that the Russian archaeologists’ views on the Russian history of the IX-X centuries were largely based on their Scandinavian colleagues’ conceptions, in particular, T. J. Arne, the founder of the “Normanist” theory. The research findings are as follows: the author proves that non-autonomy of domestic archaeological science, its self-proclaimed monopoly on truth as far as the Varangian question is concerned lead to fundamental misconceptions, which seriously distort our past and affect our historical and national consciousness.

Актуальность исследования диктуется, с одной стороны, вечным вопросом нашей и зарубежной науки, вынесенным в заголовок Повести временных лет (ПВЛ): «Откуда есть пошла Русская земля», с другой стороны, многими ответами – более тридцати – на него [33, с. 69-70]. На настоящий момент в науке господствует норманская теория (рожденная в 1613-1615 гг. желанием Швеции закрепить за собой отторгнутые в годы Смуты от России огромные территории, включая Новгород [48, с. 8-57]), что во многом связано с деятельностью археологов, массово представляющих русские древности в пользу скандинавов. **Задача** исследования состоит в том, чтобы показать, что российская археология с начала своего бытия в трактовке истории Руси не была самостоятельной, а была полностью ведомой археологией скандинавской. С этой целью используются **методы** историзма, объективности, проблемно-хронологический. **Теоретическую базу** статьи составляют работы специалистов прошлого и современности, решающих варяжский вопрос как в норманистском, так и в антинорманистском духе. Ее **практическая значимость** заключается в том, чтобы избавить отечественную науку от тенденциозного взгляда на проблему варягов и руси.

Тем более что эту тенденциозность блестяще раскрыл С. А. Гедеонов, труд которого «Отрывки из исследований о варяжском вопросе» (увидел свет в 1862-1863 гг., в 1876 г. был переиздан в расширенной версии под названием «Варяги и Русь») был одинаково оценен его современниками – и норманистами, и антинорманистами. Как, например, признавал в 1874 г. его оппонент Н. П. Ламбин, Гедеонов, можно сказать, разгромил

норманскую теорию, «по крайней мере, расшатал ее так, что в прежнем виде она уже не может быть восстановлена» (при этом сам уже ведя речь о ее «несостоятельности», что она доходит до крайностей, которые резко расходятся с историей).

Тремя годами позже Н. И. Костомаров подчеркивал, что Гедеонов уничтожил норманизм окончательно и что если бы воскресли Г. З. Байер, А. Л. Шлецер, М. П. Погодин и могли ополчиться против врага своей теории, если бы к ним пристали и нынешние норманисты, «то, при всех своих усилиях, не могли бы они уже поднять из развалин разрушенного» им здания норманской системы. В 1896 г. на X Археологическом съезде и другой крупный антинорманист, Д. И. Иловайский, выразил мнение, что норманская теория отжила свой век в нашей науке и что ее придерживаются в основном скандинавские и финские исследователи [24, с. 179-184; 26, с. 228, 238-239; 46, с. 118; 51, с. 55-68].

Однако норманизм, во-первых, уже в силу только последних слов Иловайского не мог исчезнуть в России, подавляющая часть ученых умов которой всегда жила с оглядкой на западноевропейских коллег, и потому, как констатировал в 1876 г. И. Е. Забелин, кто у нас «хотел носить мундир исследователя европейски-ученого», тот обязан исповедовать норманскую теорию [15, с. 88]. И этот факт объясняет не только ее тотальное господство в русской науке и в русском обществе, но и ее невероятную живучесть.

Во-вторых, мощнейшую поддержку норманизму, поверженному Гедеоновым, тогда оказала отечественная археология. А оказала потому, что, отмечал в 2003 г. историк А. Г. Кузьмин, «за германскими и скандинавскими археологами следовала и зарождавшаяся русская археология», тем самым безропотно повторяя их оценки в отношении своего материала (который, что немаловажно, можно увидеть и потрогать руками, то есть убедиться в его материальности и автоматически – в полнейшей бесспорности выводов археологов). На это обстоятельство, крайне негативно воздействующее на разработку варяжского вопроса, обеспокоенно указывали в 1897 г. И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, много сделавшие для изучения наших древностей и становления археологии, нисколько при этом не сомневаясь в норманстве варягов: «Но скандинавская археология организовалась ранее других – правда, весьма односторонне и ложно, и ранее опубликовала запас древностей своих собственных и чужих, у себя найденных; поэтому именем “скандинавского” стиля названы были многие вещи в русских древностях, ничего не имевшие общего с варяжским» [25, с. 81; 45, с. 12].

В силу этого русская археологическая наука, акцентировал в 1872 г. внимание Д. И. Иловайский, «положаясь на выводы историков-норманистов, шла доселе тем же ложным путем при объяснении многих древностей. Если некоторые предметы, отрытые в русской почве, походят на предметы, найденные в Дании или Швеции, то для наших памятников объяснение уже готово: это норманское влияние». При этом, говорил он, не принимаются в расчет два самых элементарных обстоятельства: что многие предметы «одной и той же фабрикации» посредством торговли распространялись на весьма обширные территории и что многие сходные предметы часто встречаются у совершенно разных народов, никогда не общавшихся между собой. В 1994 г. историк российской археологической науки А. А. Хлезов уверял, что она, «порожденная патриотическим интересом к истории своей страны... взялась за дело “без комплексов”, без предубеждений и стереотипов. Объективность – вот основная черта всего дореволюционного наследия археологии в вопросе о варягах». Но он тут же пояснил суть и «без комплексов», и «без предубеждений и стереотипов», и в целом «объективности» дореволюционной археологии: с момента своего возникновения она «стояла на достаточно твердых норманистских позициях, соглашаясь с высокой и специфической ролью варяжского элемента на Руси. Антинорманизм как отрицание норманского влияния был изначально чужд археологической литературе» [18, с. 271; 53, с. 13-16].

Ведомые «подсказками» скандинавских археологов, априори щедро приписавших своим далеким предкам очень многие и самые выразительные древности, их русские коллеги В. И. Сизов и А. А. Спицын в 1899, 1902 и 1905 гг. без колебаний «объективно» отнесли особо значимые наши памятники к скандинавским, например, гнездовский некрополь. Причем Спицын связывал появление курганного обряда, включая сопки и большие «дружинные» курганы, с влиянием скандинавов, убеждал, что данный обряд стал «государственным» после водворения в русских землях норманнов в качестве правящего класса, что Гнездово «обилует русским населением, но господами в нем являлись многочисленные норманны» (в том же духе он вел и подготовку своей смены, начав археологическое преподавание в Петербургском университете в 1909 г. с «пробной» лекции «Норманны и Восточный путь») [1, с. 11; 31, с. 70-71; 37, с. 9, 30, 33-34, 41; 54, с. 96]. В 1909 и 1919 гг. И. А. Тихомиров в свою очередь указывал, «что основная масса погребений Тимерева и Михайловского могильников под Ярославлем принадлежит варягам, да и сама курганная традиция принесена в Ярославское Поволжье норманнами» [13, с. 114; 14, с. 24] (порой между нашими археологами все же вспыхивали споры: так, если Сизов гнездовский курган – «Большой» – не приписывал норманнам, то, как принято его характеризовать в науке, «патриарх славяно-русской археологии» Спицын, напротив, видел в нем курган «чисто норманского типа» [2, с. 79; 36, с. 43]).

Сказанное объясняет, почему «норманисты-археологи, – как подытоживал еще в 1877 г. Иловайский, – раскапывая курганы, везде находят следы целой массы норманнов» [17, с. 313]. А находили эти следы просто, потому как в массовом порядке связывали с ними – ибо это уже установлено! – артефакты, к которым они абсолютно непричастны, но получавшие «маркерочные» названия, тут же утверждавшиеся в науке и провоцирующие ее на рождение новых и новых мифов: «норманские мечи» (в 1948 г. А. В. Арциховский доказал, хотя об этом говорили и ранее, что франкские/каролингские мечи являются общеевропейскими и вывозились как на Русь, так и в Скандинавию), «крестики скандинавского типа» (последнее название дал крестовидным подвескам в 1905 г. Спицын, потому как рассматривал их в качестве вещей скандинавского импорта

XI–XII веков. В 1968 г. М. В. Фехнер установила, что такие крестики появились на Руси в X – начале XI в. и не привозились из скандинавских стран) [5, с. 425–426; 47].

Выводы Сизова, Спицына, Тихомирова и др., которые строились лишь на их вере в норманство варягов, своей огромной силой придающей любой находке скандинавский облик (или хотя бы как-то привязывающей к ней скандинавов) и статус аргумента, на вере, помноженной на полнейшее доверие заключениям весьма пристрастных скандинавских коллег, очень помогли шведскому археологу Т. Ю. Арне в 1914 г. обосновать в книге «Швеция и Восток» теорию норманской (шведской) колонизации Руси IX–X веков. «Считая древнейший Смоленск, как он представляется по Гнездовскому могильнику, большой скандинавской колонией, куда варяги иммигрировали в IX в., – указывал в 1930 г. Ю. В. Готье, – Арне опирается на мнение А. А. Спицына» 1905 г., согласно которому в Гнездове господами выступали многочисленные норманны – властители и носители новых исторических задач, представители блестящей для той эпохи внешней культуры, с которыми был связан «могущественный переворот» в жизни кривичей [7, с. 253].

Как утверждал уже сам Арне, включив свое безграничное воображение, в ходе проникновения на Русь значительных групп шведов, среди которых были и ремесленники, что их колонии появились на ее территории уже в первой половине IX в. (шведы мирно поселялись бок о бок с местным населением, «среди которого они образовали верхний, господствующий слой»), что в IX–X вв. все торговые пути от Балтийского до Черного и Каспийского морей были «путями викингов», по которым шведские купцы привезли домой «множество предметов византийского, персидско-арабского, финно-пермского и русского происхождения», восходящих к IX–XI вв., что в ходе колонизации они основали Киев, а затем и Русское государство, составляя в нем господствующий класс, который, превращаясь в «обрусевших шведов», управлял славянами и финнами, что в X в. повсеместно (в будущих губерниях Петербургской, Новгородской, Владимирской, Ярославской, Смоленской, Черниговской, Киевской) вдоль торговых путей «расцвели шведские колонии» (при этом наибольшее значение придавая могильникам в Юго-Восточном Приладожье, Гнездове, Тимереве и Михайловском, где, как он утверждал, «имелись наиболее типичные скандинавские погребальные памятники и было найдено наибольшее количество скандинавских вещей») [54, с. 97–98, 153, 158, 161; 61, р. 7–14, 18–89, 220–230] (показательна оперативность, с которой в 1915 г. шведский языковед Р. Экблом поспешил подкрепить теорию Арне данными лингвистики, заверяя, что названия от корня рус- и вар- (вер-), зафиксированные в Новгородской земле, доказывают расселение там скандинавов [63, р. 11–30, 40–57]. При этом его не смутило отсутствие в скандинавских странах топонимов с теми же корнями).

Магия археологии на тот момент была столь уже всеобъемлющей, что глазами Арне (ко всему же представлявшего западноевропейскую науку, перед которой с выхода в 1809–1819 гг. на русском языке «Нестора» А. Л. Шлецера, утвердившего, по характеристике норманиста В. А. Мошина, «ультранорманизм» [33, с. 24, 26–27, 33–35, 40, 44, 70], благоговела наука наша) тут же стал смотреть на историю Руси великий А. А. Шахматов. И в своих трудах 1915–1919 гг., которыми незамедлительно начинали руководствоваться специалисты, он говорил, что археология открывает наличие более или менее обширных скандинавских поселений в IX–X вв. в пределах современных Петроградской, Новгородской, Смоленской, Ярославской, Владимирской и других губерний, что эти поселения выполняли роль административных центров, куда свозились дань и награбленное добро, что господство норманнов «проводилось именно через подобные центры», что шли они в Восточную Европу двумя колонизационными потоками (первых именовали русью, а вторых – варягами), и представлял скандинавов в качестве «несметных полчищ» (хотя до того, в 1908 г., оценивал их количество лишь понятием «полчища»), «могучего бродильного элемента», возбудившего «брожение» финнов и славян и создавшего «великую славянскую державу», Русское государство [56, с. 10–11, 67–72; 57, с. 43–45, 50–64; 58, с. 326; 59, с. XXI, XXVI–XXXI].

Однако в 1916 г. историк И. Н. Бороздин констатировал, несмотря на свой норманизм, что Арне «сильно грешит» излишней увлеченностью «скандинавизмом», что, «усиленно подчеркивая скандинавское влияние, он умалывает финский и, особенно, славянский элемент», что «в книге его найдется немало спорных, порой даже парадоксальных мест» (например, «совершенно произвольной и никакими доказательствами не подкрепленной является его гипотеза о том, что Волжский путь был открыт шведами», его определение второй половины IX и первой половины X в. «как времени процветания “скандинавских колоний” в России»). В 1950–1970-х гг. польский и советский историки – Х. Ловмянский и И. П. Шаскольский – объясняли, причем также полагая варягов скандинавами, как Арне без лишних хлопот формировал свою доказательную базу: он «стал придавать находкам скандинавских вещей решающее значение», и поэтому вопрос об этнической принадлежности погребений решал просто: если в них обнаружен хотя бы один скандинавский предмет, следовательно, здесь захоронен норманн (то есть главным моментом для определения этнической принадлежности он считал не обряд, а погребальный инвентарь, что абсолютно неверно). Благодаря этому он объявил «принадлежащими норманнам целый ряд древнерусских могильников и поселений», хотя «впоследствии скандинавское происхождение многих из этих вещей было поставлено под сомнение или вовсе отвергнуто», например, «норманских мечей», причем он причислял к шведским даже курганы, не содержащие шведских предметов, но отличающиеся богатством инвентаря [6; 30, с. 111–112; 54, с. 97–101, 112, 148; 55, р. 206–207].

В 1917 г. Арне издал сборник своих статей по истории русско-шведских культурных связей с древности до XIX в. под названием «Великая Швеция». Причем последнее распространялось и на Русское государство, созданное, по его уверению, норманнами, следовательно, находившееся, как справедливо отмечал Шаскольский, «в политической связи со шведским королевством, и даже носило название “det stora Svitjod” – “Великая Швеция”». Взгляд Арне на Русь как на «Великую Швецию», по оценке советского ученого, «является

чистейшим домислом, исторической фантазией». Потому как приводимое им выражение “*det stora Svitjod*” представляет собой «перевод на современный шведский язык древнескандинавского выражения “*Svitjod hin mikla*”» «Саги об Инглингах», в тексте которой под «Великой Швецией» подразумевается расположенная к северу от Черного моря мифическая страна, в которой жил бог Один и его племя – предки шведов, позднее переселившиеся на Скандинавский полуостров и давшие начало шведскому народу. Т. Н. Джаксон, проанализировав и «Сагу об Инглингах», и «Сагу о Скъьльдунгах», заключила, что название «Великая Свитьод», используемое применительно ко времени переселения предков шведских и норвежских конунгов (языческих богов-асов во главе с Одином) из Асаланда (Земли асов) в Скандинавию, не имеет отношения к Руси. О том же вел речь и А. Г. Кузьмин [10; 11, с. 722; 25, с. 51-52; 54, с. 26, 31-32, 94, 97, 168-172].

Важное место в «Великой Швеции» (а так с «легкой руки» Арне стали именовать Русь и другие зарубежные ученые, что станет, наряду с «норманскими мечами» и «крестиками скандинавского типа», еще одним «говорящим аргументом» в пользу истины норманской теории) он также отвел обоснованию археологическими данными тезиса о пребывании своих далеких сородичей на Руси с 800-х гг. и наличии там их колоний. Этой цели прямо служила включенная в сборник статья «Колонии шведских викингов в России» (Арне и позже продолжал говорить о существовании «скандинавских колоний» в Гнездове, Киеве, Чернигове). Однако теперь для этой цели был задействован еще и русский эпос, с которым он обращался с той же вольностью, что и с археологическим материалом, в связи с чем норманнами стали и Алеша Попович, ибо прибыл «из-за моря Ракочич», что означает «варягович, сын варяга», и Соловей Будимирович (реминисценция «варяг» или «варанг»), и Авдотья Рязанка (ее прозвание образовано от “*varjažanka=varjagkvinna*”), и главный герой русских былин Илья Муромец, так как он “*murman*”, “*Norman*”, “*man från Norden*”, “*Ilja från Norden*”, а «н», по объяснению археолога, не церемонившегося и с лингвистикой, перешло в «м», как «Никола» в «Миколу» [60, s. 37-75].

В условиях назревания и начала Первой мировой войны в теории Арне явно проглядывалось стремление не только исторически обосновать извечный германский “*Drang nach Osten*”, но и изобразить Россию, в угоду реваншистским настроениям, рожденным разгромами Швеции в войнах с нею в 1700-1721 и 1741-1743 гг. и невероятно травмировавшим сознание шведов, в качестве продукта шведского духа (шведы с 1615 г. активно тиражировали внутри страны и за ее пределами идею о шведском происхождении варяга Рюрика). Эти реваншистские настроения были еще более усилены утратой Финляндии в 1809 г., приведшей к серьезному ухудшению стратегического положения Швеции. Бывший в 1908-1912 гг. военным атташе в Дании, Швеции и Норвегии А. А. Игнатъев отмечал, что «память о великой Швеции, владычице всей Балтики» не вытравилась из умов шведов, и что Финляндия оставалась для нашей соседки «воспитанной ею “приемной дочерью”», похищенной Россией (в предвоенные годы в Швеции резко активизировалась столетиями проводимая антирусская пропаганда, делавшая ставку на «русскую угрозу» и пугавшая русской оккупацией, а к союзу с кайзеровской Германией склонялись многие влиятельные политические деятели, в том числе король Густав V, отличавшийся германофильством и убежденный в неизбежном вовлечении своей страны в войну ради захвата Финляндии) [16, с. 422, 424; 20, с. 417-423; 32, с. 222-223, 227].

Теория Арне являет собой вымысел чистейшей воды. Как отметил в 1962 г. английский специалист в области истории викингов П. Соьер, во-первых, «не может быть, чтобы шведы когда-либо играли на Руси важную роль в качестве поселенцев», во-вторых, нет никаких археологических данных, способных подтвердить предположение о наличии на ее территории обширных колоний с плотным населением. И, констатируя, что на Руси не наблюдалось скандинавской колонизации, подобной в Англии и в Исландии, ученый подчеркнул: «Кроме того, у шведов не было причин для массовой эмиграции на противоположный берег Балтийского моря. В их собственной стране были богатые и плодородные земли» (в отличие от Норвегии, которая, «напротив, гориста, и сообщение внутри страны затруднено», то есть у ее жителей присутствовали экономические стимулы – острый дефицит земельных ресурсов, стремительный рост населения, о чем говорит резкое увеличение могил в начале эпохи викингов, – для массового переселения «за море». Острая нехватка земельных ресурсов была характерна и для Дании. Поэтому и норвежцы, и даны «исходно были заинтересованы в поиске земель» на западе) [44, с. 241-242, 286, 288-290]. Однако отсутствие действительных фактов абсолютно не помешало выдумке Арне получить, по словам Н. Н. Ильиной, сказанным в 1955 г. в эмиграции, «большой успех в Западной Европе по причинам, имеющим мало отношения к исканию истины» [19, с. 59].

У теории Арне вначале были (в той или иной степени) сторонники в советской науке. Так, в 1925-1930 гг. ее популяризировал, частично критикуя, историк и археолог Ю. В. Готье, ведя речь о «славяно-норманском государстве на Руси, о «сильном норманском элементе», составляющем «оригинальную черту» Тимеревоского и Михайловского могильников (а мнение Арне, «что на месте Ярославля в IX и X веках существовала норманская колония или фактория», уточнил: это был «норманский опорный пункт, где варяги, пройдя одну половину пути от Балтики до Каспия (или обратно), делали приготовления, чтобы предпринять вторую его половину»), утверждал, что норманны с середины IX в. разъезжали «в самых различных направлениях по Восточной Европе», грабя и уводя в рабство подчиненных славян, что они проложили путь «из варяг в греки», который весь был в их власти, что Ладога была «норманской твердыней при входе в Волхов», что скандинавы, бывшие для инертных и пассивных славян «возбуждающим и вызывающим брожение элементом», «приняли очень видное и деятельное участие в создании первого русского государства». При этом он твердо заверял, что «норманский вопрос» «решен в пользу норманнов» и что антинорманизм «принадлежит прошлому» [7, с. 246-253, 257-260, 262; 8, с. 139, 141; 9, с. 7-8, 13-14, 18].

В 1933 г. археолог В. И. Равдоникас, отвергая теорию норманской колонизации Руси, в то же время повторил ее положения: что в «гнездовском некрополе имеются и такие курганы, которые являются безусловно погребениями норманнов, что было мною выявлено путем тщательного сопоставления гнездовских и скандинавских памятников. Город возникал здесь, следовательно, при каком-то непосредственном участии скандинавов», что Ладога «была одним из древнейших опорных пунктов для норманнов в их торговых поездках на восток», что они «появляются здесь еще в первой половине IX в., и с этим нельзя не поставить в связь происходившее как раз в это время превращение Старой Ладogi из примитивного небольшого поселения в город» (то есть он признавал, констатировал И. П. Шаскольский, существование норманских колоний в Гнездове и Старой Ладoge), что в X в. «появляется множество вещей скандинавского происхождения в самых различных районах – в Казанском районе, в районе б. Владимирской и Ярославской губерний, у смоленских кривичей, в Новгородской и Псковской земле, в Приладожьи», что «торговля с норманнами и торговля вообще в высокой степени стимулировала расслоение рода у племен Восточной Европы», ведя к выделению у них господствующего класса (однако заметив, в отличие от Готье, что «борьба норманистов и их многоликих противников» не завершена «до сих пор») [38, с. 104, 118, 121-122, 125-129; 54, с. 100, прим. 14].

В конце 1930-х гг. советская историческая наука, взяв на вооружение одно из основных положений марксизма, по которому главная роль в процессе образования Руси отводилась фактору внутреннему – социально-экономическому развитию восточнославянского общества, категорично заявила, что полемика об этнической принадлежности варягов утратила прежний смысл, ибо русская государственность возникла задолго до их прихода к восточным славянам. Наши ученые, считая, что они тем самым опровергли норманизм, не соответствующий «научной марксистской концепции генезиса Древнерусского государства» (по той же причине и дореволюционный антинорманизм объявив «антинаучным» и «тенденциозным»), представляли себя в качестве «советских антинорманистов», но при этом в полном согласии со своими оппонентами сохранив в неприкосновенности главный постулат норманской теории, что варяги есть норманны. «Настоящими» же норманистами они считали лишь тех западных ученых, которые, как и Т. Ю. Арне, пытаются «любыми средствами опровергнуть или опорочить советскую концепцию о возникновении Русского государства без участия норманов» [49; 50].

К антинорманизму истинному «советский антинорманизм» не имел, разумеется, отношения. В этом плане весьма красноречивы слова датского норманиста А. Стендер-Петерсена, который, сопоставив его и норманизм, так сказать, «буржуазный», заключил, что «провести точную, однозначную грань между обоими лагерями теперь уже не так легко», как это было раньше, что нельзя даже говорить о двух взаимно друг друга исключаящих школах, что от одного лагеря к другому сейчас «уже гораздо больше переходных ступеней и промежуточных установок» [66, р. 241]. Более того, норманистскую сущность «советского антинорманизма» многократно усиливали археологи, сумевшие навязать науке мнение о своей монополии на истину в разрешении варяжского вопроса, тем самым не только избавив себя от всякой критики, но и жестко диктуя другим специалистам свой взгляд на историю Руси IX-X веков.

Так, еще в 1933 г. В. И. Равдоникас «большую разногласицу» в литературе о начальном периоде русской истории, «самый простор для каких-угодно – в зависимости от изобретательности и остроумия автора – построенный» видел «в том совершенно очевидном факте, что историки при разработке древней русской истории основывались исключительно на, в сущности, весьма немногочисленных и относительно весьма поздних письменных источниках» – Русской Правде, ПВЛ, отрывках из западных источников, которые «обсасывались со всех сторон; в них разжевывалось и пережевывалось каждое слово, но крайняя ограниченность, односторонность и тенденциозность сообщаемых ими сведений допускали возможность произвольных толкований, заключений и выводов. Другие виды источников, которые могли бы положить некоторую узду на слишком пылкое воображение, – прежде всего, драгоценный по своему обилию и своеобразности объективности археологический материал и данные этнографии – в исследования не привлекались и в лучшем случае служили лишь для иллюстрации к сложившимся у историков независимо от этих источников концепциям». В 1940 г. М. И. Артамонов заявил, что «важнейшим источником для познания» времени до конца X в. «являются археологические материалы» [3, с. 3; 38, с. 102-103].

Окончательно же исключительное право археологов на истину в варяжском вопросе утвердил в науке многолетний руководитель раскопок в Новгороде и крупнейший авторитет в области изучения наших древностей А. В. Арциховский, сказав в 1962 и 1966 гг., в том числе с трибуны международной конференции, что «варяжский вопрос чем дальше, тем больше становится предметом ведения археологии. <...> Археологические материалы по этой теме уже многочисленны, и, что самое главное, число их из года в год возрастает. Через несколько десятков лет мы будем иметь решения ряда связанных с варяжским вопросом загадок, которые сейчас представляются неразрешимыми». Причем он, видя в варягах скандинавов и сводя суть варяжского вопроса лишь к установлению их значения в русской истории, перевел письменные источники, которые абсолютно ничего не говорят об этносе варягов, в положение «никаких», дав им весьма низкую оценку: для IX-X вв. «они малочисленны, случайны и противоречивы» [4, с. 36, 41; 62, р. 9].

Такой «советский антинорманизм» по форме, когда было принято на словах категорично отрицать и всемерно хулить норманскую теорию (она есть «лженаучная», «антинаучная», «реакционная», «клеветническая», «порочная», «политически спекулятивная», «самая антиисторическая» и пр.), а на деле ее укреплять многочисленными «вещдоками», выдавая их за скандинавские, логично привел к тому, что теория Арне (в редакции лингвиста А. Стендер-Петерсена 1934-1953 гг., дополнительно «направившего» на Русь, помимо прочих

социальных групп, еще и крестьян, шедших «с незапамятных времен непрерывно» из Средней Швеции на восток, образовав там “das schwedische Ruotsi – oder Rus'-volk” [65, S. 62; 66, p. 245-248]) вновь «прописалась», благодаря археологам, в нашей науке.

И «прописалась» благодаря прежде всего Л. С. Клейну, Г. С. Лебедеву и В. А. Назаренко, которые в 1970 г., принимая скандинавские находки (большой частью, псевдоскандинавские) на русской земле за прямое свидетельство пребывания среди восточных славян скандинавов, утверждали, что в X в. они – и знатные дружинники, и купцы с женами, и простые воины, и ремесленники, и, вероятно, крестьяне – составляли «не менее 13% населения отдельных местностей» по Волжскому и Днепровскому торговым речным путям, в «стольном граде» Киеве – 18-20%, в Ярославском же Поволжье численность северных находников «была равна, если не превышала, численности славян» [22, с. 232-234, 238-239, 246-252] (Клейн в 2009 г. вспоминал, что публикация статьи, излагающей и аргументирующей «норманистскую» трактовку варяжского вопроса в советской науке, приветствовалась во многих отечественных и зарубежных обзорах. Показательна в этом плане оценка, данная ее авторам Т. Н. Джаксон и Е. Г. Плимаком в 1988 г. и выражавшая мнение практически всех советских историков и археологов: они, впервые очертив возможности археологии в решении варяжской проблемы, выработали «строго научную и логически последовательную методику определения этнической принадлежности археологических древностей и объективную систему подсчета “достоверно варяжских комплексов”» [12, с. 46-47; 21, с. 171, 262]).

В 1994-1997 гг. археолог А. А. Хлевов, говоря, что борьба «ленинградской школы скандинавистов», возглавляемой Л. С. Клейном, завершилась триумфом «взвешенного и объективного норманизма», неопровержимо аргументированного письменными и археологическими источниками, увидел «важность» книги Т. Ю. Арне «Швеция и Восток» в том, что она есть «самая первая сводка археологического материала, отражающего связи викингов на восточном пути» (в 1999 г. историк Г. М. Коваленко подчеркивал, что шведский специалист «для большинства его русских коллег, археологов и историков... оставался серьезным, авторитетным ученым» и что «до сих пор российские археологи по-прежнему обращаются к его работам, не утратившим научной значимости») [23, с. 288, 292; 52, с. 39-43, 91; 53, с. 16]. Качество же самой этой сводки, принимаемой нашими археологами на веру, в полной мере охарактеризовал сторонник норманства варягов англичанин П. Сойер, в 1962 г. назвав (говоря в унисон с антинорманистом Д. И. Иловайским) причину безосновательности выводов Арне: «Сами по себе археологические находки... свободны от пристрастности, они не говорят ни за, ни против скандинавов. Тенденциозность создают те, кто работает с этим материалом». Скандинавские артефакты в русских захоронениях, объяснял он, «еще не доказывают того, что люди, погребенные в этих могилах, были скандинавами или имели скандинавских предков. Предметы такого рода могут переходить из рук в руки, нередко оказываясь очень далеко от народа, который их изготовил или пользовался ими первым» [44, с. 21, 95].

В 1996-1997 гг. археолог В. В. Мурашева, восторгаясь «героической» эпохой викингов («скандинавам есть чем гордиться», хотя странно, конечно, восхищаться ненормальной гордостью кровавыми преступлениями, заставлявшими столетиями западноевропейцев молить и молить миллионами, наверное, уст: «Избави нас, Боже, от ярости норманнов»), повествовала в духе Арне/Стендер-Петерсена о «великом переселении» (колониации), о «большой иммиграционной волне из Скандинавии в Восточную Европу», в основном из Средней Швеции. Напомнив (но неправильно при этом называя его работу, где подобное, принятое ею за чистую монету, было сказано), что крупнейший шведский археолог Т. Ю. Арне именовал «Древнюю Русь частью Великой Швеции», она утвердительно вопрошала: «Невольно задумаешься: а не была ли и впрямь Древняя Русь частью Великой Швеции?» [34; 35, с. 33].

Из рассуждений советских археологов, позиционировавших себя в качестве принципиальных «советских антинорманистов», логично проросла «Скандославия» филолога Д. С. Лихачева: так в 1989 г. академик во вступительном слове на Византийском конгрессе, состоявшемся в Москве, предложил именовать Русь. В 1992 г. он на страницах весьма популярной «Литературной газеты» утверждал, что «в начале восточнославянского единства Русь была “Скандовизантией”», причем Скандинавия «несла мотивы государственные, организационные». Через два года ученый свои мысли развивал на страницах не менее популярного тогда литературного журнала «Новый мир», оперируя «новоязом» «Скандославия» и уверяя, что «княжеско-вечевой строй Руси сложился из соединения северогерманской организации княжеских дружин» с исконно существовавшим у восточных славян вечевым укладом, что призванные из Швеции «конунги» Рюрик, Синеус, Трувор «могли научить русских по преимуществу военному делу, организации дружин» [27, с. 113-114; 28, с. 14; 29].

С помощью тех же археологов, с распадом СССР позиционирующих себя уже в качестве представителей «взвешенного и объективного норманизма», историк Р. Г. Скрынников в 1995-2000 гг. явил научному миру (но также не только ему) «Восточно-Европейскую Нормандию», как он называл Русь, красочно и с большим размахом повествуя в статьях, монографиях и учебном пособии о том, что норманны, основав в VIII в. колонии в Ладого, прокладывали торговые речные пути, что первые попытки образовать княжества в Восточной Европе они предприняли в IX в., что во второй половине IX – начале X в. там «утвердились десятки конунгов» (или «норманских вождей»), давших начало недолговечным «норманским каганатам», что в русских землях находилось «множество норманских отрядов» (а Новгород был главной базой скандинавов), что существовали «норманские» княжества: Киевское, Полоцкое, а также в Причерноморье и в Прикаспии, что норманны, ведя борьбу с Хазарией, основали будущее Тмутараканское княжество, что они же его затем и уничтожили, что походы на Византийскую империю представляли собой «совместные предприятия викингов», что русско-византийские договоры «заключало норманское войско», что благодаря норманнам произошел перелом в балканской войне «старшего из конунгов» Святослава, что другому «норманскому конунгу» Владимиру Святославичу, принявшему

христианство, удалось избежать «конфликта с норманской языческой знатью, поддержкой которой дорожил», что со временем княжеская норманская дружина забыла собственный язык, а саги превратились в славянские былины, что «норманны бесследно исчезли, но земля, ассимилировавшая русов, стала называться “Русью”» [39; 40; 41, с. 8, 12, 51, 54-55, 63-67; 42, с. 5, 9-32; 43, с. 15-62, 65, 71-72, 75-76] и т.д. и т.п.

Наконец, в этот процесс «открытий» и «изобретений» по части начальной истории Руси, вытравляющих ее имя из истории, включились и те, кто его спровоцировал. В июле 2009 г. один из флагманов отечественной археологии – Институт истории материальной культуры РАН, возглавляемый тогда член-корреспондентом Е. Н. Носовым, – запустил на научный небосклон еще одну «Нормандию», проведя с учеными Франции в рамках программы научного обмена «Две “Нормандии”»: междисциплинарное сравнительное исследование культурного присутствия скандинавов в Нормандии (Франция) и на Руси (Новгородская земля) и его историческое значение» международную научную конференцию, посвященную в том числе «1150-летию первого упоминания Новгорода в русских летописях» [64].

Проведенный анализ позволяет сделать однозначный **вывод**, что «Скандославия», «Восточно-Европейская Нормандия» и «Нормандия», возвращенные отечественными археологами, смотрящими на прошлое своей страны практически глазами шведа Т. Ю. Арне, есть научные фантомы. И от этих научных фантомов, которые глушат истину и предельно затмевают наше историческое и национальное самосознание, необходимо избавляться (зарубежная наука, стоит сказать, не знает ни «Скандоанглии», ни «Скандоисландии», ни иных «Скандо», хотя массовые следы присутствия норманнов в западноевропейских землях, включая и Англию, и Исландию, зафиксированы многими и самыми разными источниками, как не знает она, помимо французской Нормандии, каких-то еще других Нормандий). А археологам следует в интерпретации древностей Руси быть самостоятельными и не превращать русскую историю в приложение (придаток) к истории Швеции.

Список источников

1. Авдусин Д. А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города): сборник статей / под ред. Д. А. Авдусина. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 3-20.
2. Авдусин Д. А. Скандинавские погребения в Гнездове // Вестник Московского университета. Серия «История». 1974. № 1. С. 74-86.
3. Артамонов М. И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук. М. - Л., 1940. Вып. VI. С. 3-14.
4. Арциховский А. В. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси: сборник статей / отв. ред. А. Л. Монгайт. М.: Наука, 1966. С. 36-41.
5. Арциховский А. В. Оружие // История культуры Древней Руси: в 2-х т. / под общ. ред. Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова. М. - Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. Т. 1. Домонгольский период. Материальная культура. С. 417-438.
6. Бороздин И. Н. Из области русско-скандинавских отношений // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 277-283.
7. Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М. - Л.: Гос. изд-во, 1930. 280 с.
8. Готье Ю. В. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.: РАНИОН, 1928. Т. IV. С. 138-144.
9. Готье Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1925. 271 с.
10. Джаксон Т. Н. Еще раз о «Великой Швеции» // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: тезисы докладов: в 2-х ч. Тарту: ТГУ, 1982. Ч. 1. С. 151-153.
11. Джаксон Т. Н. Свитьод Великая, или Холодная // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М.: Ладомир, 2014.
12. Джаксон Т. Н., Плимак Е. Г. Некоторые спорные проблемы генезиса русского феодализма (в связи с изучением и публикацией в СССР «Разоблачений дипломатической истории XVIII века» К. Маркса) // История СССР. 1988. № 6. С. 35-57.
13. Дубов И. В. Скандинавы в Ярославском Поволжье // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси: сборник статей / отв. ред. Е. Н. Носов, Г. И. Смирнова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 114-119.
14. Дубов И. В. Спорные вопросы этнической истории Северо-Восточной Руси IX-XIII веков // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 15-27.
15. Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен: в 2-х ч. М.: Тип. Грачева и Ко, 1876. Ч. 1. XII+647 с.
16. Игнатъев А. А. 50 лет в строю: в 2-х т. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1963. Т. 1. 560 с.
17. Иловайский Д. И. Начало Руси. М.: Астрель, 2006. 480 с.
18. Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М.: Тип. Грачева и Ко, 1876. VIII+466 с.

19. Ильина Н. Н. Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки // Изгнание норманнов из русской истории: сб. статей и монографий / сост. и ред. В. В. Фомин. М.: Русская панорама, 2010. С. 19-136.
20. История Швеции / отв. ред. А. С. Кан. М.: Наука, 1974. 719 с.
21. Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 400 с.
22. Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. IX-XX вв.: сборник статей / ред. колл. Н. Е. Носов и И. П. Шаскольский. Л.: Наука, 1970. С. 226-252.
23. Коваленко Г. М. Туре Арне - ученый и общественный деятель // Новгородский исторический сборник. 1999. № 7 (17). С. 287-292.
24. Костомаров Н. И. Русская историческая литература в 1876 г. // Русская старина: ежемесячное ист. изд-е. СПб., 1877. Т. XVIII. С. 159-184.
25. Кузьмин А. Г. История России с древнейших времен до 1618 г.: в 2-х кн. М.: ВЛАДОС, 2003. Кн. 1. 448 с.
26. Ламбин Н. П. Источник летописного сказания о происхождении Руси // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1874. Ч. CLXXXIII. № 6. С. 225-263.
27. Лихачев Д. С. Нельзя уйти от самих себя... Историческое самосознание и культура России // Новый мир. 1994. № 6. С. 113-120.
28. Лихачев Д. С. Россия никогда не была Востоком // Литературная газета. 1992. 5 февраля.
29. Лихачев Д. С. Россия никогда не была Востоком (об исторических закономерностях и национальном своеобразии: Евразия или Скандославия?) // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 113-120.
30. Ловмянский Х. Русь и норманны. М.: Прогресс, 1985. 304 с.
31. Макаров Н. А. Археологические древности как источник знаний о ранней Руси // Русь в IX-X веках: археологическая панорама. М. - Вологда: Древности Севера, 2012. С. 65-89.
32. Мелин Я., Юханссон А. В., Хеденбург С. История Швеции. М.: Весь Мир, 2002. 400 с.
33. Мошин В. А. Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии: сб. статей и монографий / сост. и ред. В. В. Фомин. М.: Русская панорама, 2010. С. 11-102.
34. Мурашева В. В. Была ли Древняя Русь частью Великой Швеции? // Родина. 1997. № 10. С. 8-11.
35. Мурашева В. В. Предметный мир эпохи // Путь из варяг в греки и из грек...: кат. выст. / сост. Н. И. Асташова и др. М.: Гос. ист. музей, 1996. С. 30-35.
36. Носов Е. Н. Проблема изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник. 1982. № 1 (11). С. 43-78.
37. Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси. VIII-X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб.: Наука, 1994. 138 с.
38. Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества: пленум Гос. акад. истории материальной культуры (20-22 июня 1933 г.). М. - Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. С. 102-129.
39. Скрынников Р. Г. Войны Древней Руси // Вопросы истории. 1995. № 11-12. С. 24-38.
40. Скрынников Р. Г. Древняя Русь. Летописные мифы и действительность // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 3-13.
41. Скрынников Р. Г. История Российская. IX-XVII вв. М.: Весь Мир, 1997. 496 с.
42. Скрынников Р. Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX-XVII вв. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 463 с.
43. Скрынников Р. Г. Русь IX-XVII века. СПб.: Питер, 1999. 341 с.
44. Соьер П. Эпоха викингов. СПб.: Евразия, 2002. 352 с.
45. Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. СПб.: Тип. А. Бенке, 1897. Вып. 5. Курганы древностей и клады домонгольского периода. 168 с.
46. Труды X Археологического съезда в Риге. 1896. М., 1900. Вып. 3. 528 с.
47. Фехнер М. В. Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь: сборник статей. К шестидесятилетию акад. Б. А. Рыбакова / отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1968. С. 210-214.
48. Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. 488 с.
49. Фомин В. В. Норманистская сущность «советского антинорманизма». Ч. 1 // Исторический формат. 2018. № 3-4. С. 98-164.
50. Фомин В. В. Норманистская сущность «советского антинорманизма». Ч. 2 // Исторический формат. 2019. № 1. С. 60-97.
51. Фомин В. В. Сокрушение С. А. Гедеоновым норманистского мифа // Гедеонов С. А. Варяги и Русь. Историческое исследование. М.: Академический проект; Парадигма, 2018. С. 6-110.
52. Хлевов А. А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 107 с.
53. Хлевов А. А. Норманская проблема в свете археологических источников: автореф. дисс. ... к. ист. н. СПб., 1994. 22 с.
54. Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М. - Л.: Наука, 1965. 220 с.
55. Шаскольский И. П. О роли норманнов в Древней Руси в IX-X вв. // Les paus du Nord et Buzance (Skandinavie et Buzance). Actes du colloque nordique et international de buzantinologie temi à Upsal 20-22 avril 1979. Uppsala, 1981. P. 203-214.

56. Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Пг.: Изд. комитет студ. ист.-филол. ф-та Пг. ун-та, 1916. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. 146 с.
57. Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг.: Изд. Рус. ист. журн., 1919. 64 с.
58. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. XX+687 с.
59. Энциклопедия славянской филологии: в 12 (8) вып. Пг., 1915. Вып. 11.1. Очерк древнейшего периода истории русского языка / сост. и введ. А. А. Шахматова. XXVIII+L+369 с.
60. Arne T. J. Det stora Svitjod. Essauer om gångna tiders svensk-ruska kulturföbindelser. Stockholm: Geber, 1917. 281 s.
61. Arne T. J. La Suède et l'Orient. Études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des vikings. Upsala, 1914. 256 p.
62. Artsikhovsku A. Archaeological data on the Varangian question // VI International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Reports and communications by archaeologists of the USSR. Moscow, 1962. P. 1-9.
63. Ekblom R. Rus- et vareg- dans les noms de lieux de la région de Novgorod. Stockholm, 1915. 64 p.
64. <https://ruskiymir.ru/news/1310> (дата обращения: 04.10.2020).
65. Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934. 256 S.
66. Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus: Bianco Lunos bogtrykkeri, 1953. 262 p.

Информация об авторах | Author information

Фомин Вячеслав Васильевич¹, д. ист. н., проф.

¹ Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Fomin Vyacheslav Vasil'evich¹, Dr

¹ Lipetsk State Pedagogical P. P. Semenov-Tyan-Shansky University

¹ vfominv@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.10.2020; опубликовано (published): 30.11.2020.

Ключевые слова (keywords): норманисты; антинорманисты; «советский антинорманизм»; «Скандославия»; «Восточно-Европейская Нормандия»; Normanists; anti-Normanists; “Soviet anti-Normanism”; “Skandoslavia”; “East European Normandy”.